

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

о рассмотрении жалобы Досмамбетова Азизбека Анарбековича
на определение коллегии судей Конституционного суда
Кыргызской Республики от 10 июля 2026 года

22 сентября 2026 года

город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе председательствующего – Осмонбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдыралиевой Б.А., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А., при секретаре Кененсариевой Н.А., руководствуясь частью 2 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном заседании жалобу Досмамбетова А. А. на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 10 июля 2026 года.

Исследовав доводы, изложенные в жалобе, и материалы по ходатайству Досмамбетова А.А., заслушав информацию судьи-докладчика Бобукеевой М.Р., Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 24 июня 2026 года поступило ходатайство Досмамбетова А.А., о проверке соответствия абзаца второго части 3 статьи 19 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской

Республики (далее - УПК) частям 1, 3 статьи 95, части 1 статьи 96 Конституции Кыргызской Республики.

Как следует из ходатайства, основанием для обращения в Конституционный суд послужило вынесение судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда частного определения от 15 декабря 2025 года в отношении ряда судей по результатам рассмотрения кассационных жалоб на приговоры Ошского городского суда и Ошского областного суда. Указанным частным определением судебная коллегия Верховного суда, сославшись на положения части 3 статьи 19 УПК и части 1 статьи 23 конституционного Закона «О Верховном суде Кыргызской Республики и местных судах», указала на допущенные судьями, в том числе и заявителем, нарушения установленного порядка вынесения приговора, направив копию частного определения в Совет судей Кыргызской Республики для принятия соответствующих мер.

По мнению заявителя, оспариваемое нормативное положение допускает применение указанной меры судебного реагирования в отношении судьи нижестоящего суда в связи с нарушениями закона, выявленными при рассмотрении конкретного дела. Как он полагает, вынесение такого определения, может послужить основанием для возбуждения дисциплинарного производства, повлечь применение мер дисциплинарной ответственности, а также учитываться при оценке профессиональной деятельности судьи, в том числе при прохождении им конкурсного отбора.

Обосновывая свою позицию, заявитель указывает, что закрепленный частью 1 статьи 95 Конституции принцип независимости судей призван обеспечить осуществление правосудия исключительно на основе Конституции, законов и внутреннего убеждения судьи, исключая любое внешнее воздействие на процесс принятия судебного решения. Независимость судей, по его мнению, одновременно выступает гарантией права каждого на беспристрастное судебное разбирательство.

В связи с этим заявитель полагает, что возможность вынесения в отношении судьи частного определения с последующим инициированием дисциплинарного производства способна вызвать опасение наступления неблагоприятных последствий за принятые судебные решения и тем самым оказать сдерживающее воздействие при осуществлении правосудия.

Такой механизм, по утверждению заявителя, не согласуется также с частью 3 статьи 95 Конституции, согласно которой никто не вправе требовать от судьи отчета по конкретному делу. Указанная конституционная гарантия, как он считает, исключает создание законодательных механизмов, способных прямо или косвенно воздействовать на судью в связи с осуществлением им правосудия.

В подтверждение своих доводов заявитель ссылается на правовые позиции, изложенные в Решении Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 21 октября 2020 года. В частности, он указывает, что предусмотренный частью 3 статьи 95 Конституции запрет носит императивный характер и не подлежит ограничительному либо расширительному толкованию законодательными актами.

Кроме того, заявитель обращает внимание на изложенную в указанном Решении правовую позицию относительно отсутствия четких критериев, позволяющих разграничить обычные судебные ошибки и очевидные, грубые нарушения законности при осуществлении правосудия. По его мнению, отсутствие такого разграничения создает риск произвольного применения мер дисциплинарной ответственности и, как следствие, оказания воздействия на независимость судей.

Исходя из этого, заявитель полагает, что юридическая ответственность судьи должна наступать не за любое отступление от требований закона, а лишь за очевидное и грубое нарушение, явно противоречащее назначению правосудия. Постоянная угроза привлечения к дисциплинарной ответственности, включая применение взыскания, влекущего прекращение полномочий судьи, по его мнению, способна препятствовать независимому

и эффективному осуществлению правосудия.

Наряду с этим заявитель ссылается на часть 1 статьи 96 Конституции, согласно которой судьи сохраняют свои полномочия при условии соблюдения требований безупречного поведения, а основания и порядок привлечения их к ответственности определяются конституционным законом. По его мнению, конституционное понятие безупречного поведения конкретизировано в конституционном Законе «О статусе судей Кыргызской Республики», который связывает дисциплинарную ответственность судьи исключительно с совершением предусмотренного законом дисциплинарного проступка.

В данном контексте заявитель отмечает, что вынесение частного определения в связи с нарушениями, выявленными вышестоящим судом при рассмотрении конкретного дела, стирает грань между инстанционным контролем за законностью судебных актов и институтом дисциплинарной ответственности судей. При этом отмена судебного решения вследствие неправильного применения норм материального или процессуального права сама по себе, по его утверждению, не свидетельствует о совершении судьей дисциплинарного проступка.

Таким образом, как считает заявитель, дисциплинарная ответственность судьи может наступать лишь за предусмотренное конституционным законом очевидное и грубое нарушение закона, тогда как оспариваемая норма допускает применение мер, затрагивающих статус судьи, на основании вывода вышестоящего суда о нарушении закона при рассмотрении конкретного дела.

Кроме того, заявитель указывает, что часть 1 статьи 23 конституционного Закона «О Верховном суде Кыргызской Республики и местных судах» предусматривает полномочие судебных коллегий Верховного суда выносить частные определения в адрес руководителей государственных органов, организаций и должностных лиц, но не судей. Аналогичное понимание, по его мнению, следует из закрепленного в пункте

20 статьи 5 УПК понятия частного определения.

Вместе с тем, как отмечает заявитель, статья 24 Закона «Об органах судейского самоуправления» не предусматривает судебную коллегия Верховного суда в качестве субъекта обращения в Совет судей Кыргызской Республики по вопросу привлечения судьи к дисциплинарной ответственности. В связи с этим он полагает, что абзац второй части 3 статьи 19 УПК допускает расширение сферы применения института частного определения вопреки положениям Конституции и указанных законов.

На основании изложенного заявитель приходит к выводу, что оспариваемое нормативное положение допускает вынесение частного определения в отношении судьи при отсутствии прямого законодательного закрепления соответствующего полномочия Верховного суда, создает возможность вмешательства вышестоящего суда в осуществление правосудия посредством угрозы наступления дисциплинарных последствий в связи с принятым судебным решением и тем самым нарушает конституционные гарантии независимости судей и сохранения ими своих полномочий.

Исходя из этого, заявитель просит признать абзац второй части 3 статьи 19 УПК противоречащим частям 1, 3 статьи 95, части 1 статьи 96 Конституции Кыргызской Республики.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 10 июля 2026 года в принятии ходатайства Досмамбетова А.А. к производству было отказано.

В определении коллегии судей указано, что при разрешении вопроса о допустимости обращения к конституционному судопроизводству существенное значение имеет наличие у заявителя права на обращение в Конституционный суд Кыргызской Республики.

Коллегия судей отметила, что законодательство Кыргызской Республики, обеспечивая доступ физических и юридических лиц к

конституционному правосудию, вместе с тем устанавливает пределы реализации данного права. В частности, указанные субъекты вправе ставить вопрос о конституционности закона или иного нормативного правового акта лишь в случае, если оспариваемое нормативное положение непосредственно затрагивает либо может затронуть права и свободы человека и гражданина, предусмотренные разделом вторым Конституции.

Как следует из содержания ходатайства, ходатайствующий обосновывал свои требования предполагаемым несоответствием оспариваемого нормативного положения принципам независимости и несменяемости судей, а также гарантиям осуществления правосудия, закрепленным статьями 95 и 96 Конституции. Вместе с тем коллегия судей пришла к выводу, что указанные конституционные положения определяют статус судебной власти и гарантии осуществления правосудия, но не закрепляют права и свободы человека и гражданина, предусмотренные разделом вторым Конституции.

В связи с этим коллегия судей указала, что само по себе предполагаемое несоответствие оспариваемой нормы принципам организации и функционирования судебной власти не может рассматриваться как достаточное обоснование нарушения конституционных прав и свобод физического лица.

При этом коллегия судей исходила из того, что, несмотря на наличие у заявителя статуса судьи, при обращении в Конституционный суд в порядке пункта 1 части 1 статьи 19 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» он выступает не как носитель публичной власти или субъект судебной системы, а как физическое лицо. Следовательно, на него распространяются установленные указанным конституционным Законом требования к допустимости обращения, включая обязанность обосновать нарушение оспариваемым нормативным положением принадлежащих ему прав и свобод человека и гражданина.

Между тем, по мнению коллегии судей, заявителем не были

приведены доводы, свидетельствующие о том, что оспариваемое нормативное положение непосредственно затрагивает либо ограничивает принадлежащие ему как гражданину права и свободы, гарантированные разделом вторым Конституции. Приведенные им доводы фактически сводились к несогласию с законодательным регулированием вопросов, связанных с конституционно-правовыми гарантиями независимости судей и порядком привлечения их к дисциплинарной ответственности.

При таких обстоятельствах коллегия судей пришла к выводу, что ходатайство Досмамбетова А.А. не отвечает установленным конституционным Законом требованиям допустимости, поскольку обращение исходит от ненадлежащего лица (субъекта), в связи с чем определением от 10 июля 2026 года отказала в его принятии к производству.

Не согласившись с указанным определением коллегии судей, Досмамбетов А.А. 23 июля 2026 года обратился с жалобой в Конституционный суд Кыргызской Республики.

В жалобе заявитель указывает, что вынесенное в отношении него частное определение непосредственно затрагивает его правовое положение, поскольку не подлежит обжалованию и может повлечь неблагоприятные последствия, в том числе учитываться при оценке его профессиональной деятельности и прохождении конкурсного отбора на должность судьи. В связи с этим заявитель считает, что оспариваемое правовое регулирование затрагивает его права не только как судьи, но и как гражданина Кыргызской Республики.

В обоснование своей позиции заявитель ссылается на статью 95 Конституции, согласно которой судьей может быть только гражданин Кыргызской Республики, а также на статью 21 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», предусматривающую право на обращение в Конституционный суд как физических лиц, так и судей. По его мнению, наличие статуса судьи само по себе не исключает возможности защиты в порядке конституционного судопроизводства прав и

свобод, принадлежащих ему как гражданину Кыргызской Республики.

Кроме того, заявитель отмечает, что абзац второй части 3 статьи 19 УПК был непосредственно применен в отношении него при вынесении судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Кыргызской Республики указанного частного определения. Данное обстоятельство, как он считает, не позволяет сводить его ходатайство исключительно к выражению несогласия с существующим законодательным регулированием, поскольку в нем поставлен вопрос о конституционности нормы, послужившей правовым основанием для принятия акта, способного повлиять на реализацию принадлежащих ему конституционных прав и свобод.

Исходя из этого, Досмамбетов А.А. полагает, что вывод коллегии судей об отсутствии затрагивания его прав как гражданина сделан без учета факта непосредственного применения оспариваемого нормативного положения в отношении заявителя, а также положений статьи 21 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики».

Наряду с этим заявитель обращает внимание на часть 3 статьи 2 УПК, согласно которой в случае противоречия между нормами данного Кодекса и конституционного закона Кыргызской Республики применению подлежат положения конституционного закона.

В этой связи заявитель указывает, что полномочие судебных коллегий Верховного суда Кыргызской Республики по вынесению частных определений урегулировано частью 1 статьи 23 конституционного Закона «О Верховном суде Кыргызской Республики и местных судах». Вместе с тем судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Кыргызской Республики продолжает практику вынесения частных определений в отношении судей, тогда как иные судебные коллегии после внесения соответствующих изменений в законодательство от такой практики отказались.

По мнению заявителя, указанное обстоятельство свидетельствует о применении положений УПК без учета установленного конституционным законом регулирования и допускает вынесение частных определений в отношении судей при отсутствии прямо предусмотренного законом полномочия.

С учетом изложенного ходатайствующий просит отменить определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 10 июля 2026 года и принять его ходатайство к производству.

Конституционный суд Кыргызской Республики исследовав доводы жалобы и представленные материалы, приходит к следующему.

Как следует из представленных материалов, оспариваемое нормативное положение было непосредственно применено вышестоящей судебной инстанцией при вынесении частного определения, содержащего официальную оценку действий заявителя, совершенных им при осуществлении правосудия, как нарушение закона. Тем самым действие оспариваемого положения применительно к заявителю вышло за пределы абстрактного законодательного определения полномочий вышестоящего суда и приобрело индивидуализированный характер в отношении деятельности конкретного носителя судебной власти.

Указанное обстоятельство имеет значение не в качестве доказательства нарушения, принадлежащего заявителю как физическому лицу субъективного права, а как подтверждение непосредственной связи оспариваемого регулирования с осуществлением им функции правосудия и, соответственно, с той сферой конституционно-правового статуса судьи, охрана которой может обуславливать его специальную процессуальную легитимацию.

В то же время признание такой процессуальной легитимации не означает, что судья приобретает общее право ставить перед Конституционным судом любые вопросы конституционности законодательства. Специальная правосубъектность судьи ограничена своим конституционным предназначением и может реализовываться только в

отношении нормативного регулирования, непосредственно затрагивающего независимость судьи, его неприкосновенность, недопустимость вмешательства в осуществление правосудия либо иные основополагающие гарантии судейского статуса, без которых самостоятельное и беспристрастное осуществление судебной власти не может быть обеспечено.

Поэтому возможность непосредственного носителя судебной власти поставить перед Конституционным судом вопрос о нормативном регулировании, затрагивающем основы его независимости при осуществлении правосудия, служит не корпоративному интересу судейского сообщества, а сохранению установленного Конституцией порядка осуществления судебной власти.

Судья как непосредственный носитель судебной власти вправе поставить перед Конституционным судом вопрос о конституционности нормативного регулирования, которое непосредственно затрагивает основополагающие гарантии его независимости при осуществлении правосудия либо иные элементы конституционного статуса, функционально предназначенные для обеспечения самостоятельного осуществления судебной власти.

Поскольку оспариваемое Досмамбетовым А.А. нормативное положение было непосредственно применено при официальной оценке действий, совершенных им в ходе отправления правосудия, а сформулированный в обращении вопрос касается допустимых конституционных пределов воздействия предусмотренного законом механизма судебного реагирования на деятельность судьи как независимого носителя судебной власти, отсутствие находящегося в его производстве конкретного дела, разрешение которого зависит от конституционности данной нормы, само по себе не может служить основанием для признания заявителя ненадлежащим субъектом обращения.

Оценив доводы, изложенные в обращении, исследовав представленные материалы и принимая во внимание правовые позиции, сформулированные в

определении коллегии судей, Конституционный суд Кыргызской Республики приходит к выводу о наличии оснований для принятия обращения Досмамбетова А.А. к производству.

Разрешение вопроса о допустимости настоящего обращения требует определения конституционно-правовых оснований и пределов участия судьи в конституционном судопроизводстве в случаях, когда поставленный им вопрос о конституционности нормативного правового акта не связан с разрешением конкретного дела, находящегося в его производстве.

Такое разграничение имеет принципиальное значение, поскольку содержание процессуальных возможностей судьи в конституционном судопроизводстве не может определяться в отрыве от его конституционного статуса как непосредственного носителя судебной власти.

Конституция Кыргызской Республики предусматривает специальный механизм обращения суда (судьи) в Конституционный суд, непосредственно связанный с рассмотрением конкретного дела.

В соответствии со статьей 102 Конституции суд не вправе применять нормативный правовой акт, противоречащий Конституции. Если при рассмотрении дела в любой судебной инстанции возникает вопрос о конституционности закона или иного нормативного правового акта, от которого зависит решение дела, суд направляет запрос в Конституционный суд.

Из содержания указанной нормы следует, что запрос суда представляет собой особый механизм конкретного конституционного нормоконтроля и обусловлен совокупностью прямо установленных Конституцией предпосылок: наличием находящегося на рассмотрении суда дела, возникновением при его разрешении вопроса о конституционности закона или иного нормативного правового акта и зависимостью решения по данному делу от разрешения указанного вопроса.

Тем самым запрос в смысле статьи 102 Конституции непосредственно включен в процесс отправления правосудия. Обращаясь в Конституционный

суд в таком порядке, суд действует не в целях защиты самостоятельного интереса судьи и не вследствие общего сомнения в конституционности нормативно-правового регулирования, а во исполнение конституционной обязанности не применять при разрешении конкретного дела нормативный правовой акт, противоречащий Конституции.

Следовательно, предусмотренная статьей 102 Конституции форма запроса не может быть оторвана от установленных ею условий. При отсутствии конкретного дела, разрешение которого зависит от конституционности соответствующего нормативного правового акта, данный механизм применению не подлежит.

Вместе с тем из этого не следует, что возможность судьи поставить перед Конституционным судом вопрос о конституционности нормативного правового акта во всех случаях исчерпывается механизмом статьи 102 Конституции.

Статьи 19, 21 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики» относят судью к числу субъектов, которые вправе ставить перед Конституционным судом вопрос о соответствии Конституции законов и иных нормативных правовых актов.

Данное положение имеет самостоятельное нормативное содержание и не может истолковываться исключительно как воспроизведение предусмотренного статьей 102 Конституции конкретного нормоконтроля.

Содержание и пределы предусмотренной ею возможности должны определяться с учетом конституционного статуса судьи, природы осуществляемой им государственной функции и предназначения тех гарантий, которые Конституция устанавливает в целях обеспечения независимого осуществления судебной власти.

В этом отношении следует различать две правовые ситуации.

Если вопрос о конституционности нормативного правового акта возникает при рассмотрении конкретного дела и от его разрешения зависит

решение по этому делу, применяется специальный механизм, предусмотренный статьей 102 Конституции, — запрос суда.

Если же вопрос возникает вне связи с разрешением конкретного дела, однако оспариваемое нормативное регулирование непосредственно затрагивает конституционный статус судьи либо институциональные гарантии самостоятельности судебной власти, постановка такого вопроса перед Конституционным судом не приобретает характера запроса в смысле статьи 102 Конституции и должна осуществляться в иной процессуальной форме.

Для определения пределов такой возможности принципиальное значение имеет конституционная природа судебной власти.

Согласно Конституции Кыргызской Республики, правосудие осуществляется только судом. Судьи независимы и подчиняются Конституции и законам. Конституцией гарантируется их неприкосновенность, запрещается требовать от судьи отчета по конкретному судебному делу и не допускается всякое вмешательство в деятельность по осуществлению правосудия.

Названные положения определяют не только индивидуальное правовое положение лица, наделенного статусом судьи. Они образуют систему институциональных гарантий, без которых невозможно самостоятельное функционирование судебной власти как одной из ветвей государственной власти.

Независимость судьи вследствие этого не является его личной либо профессиональной привилегией. Она имеет публично-правовое предназначение и обеспечивает такой порядок осуществления правосудия, при котором принимаемое судебное решение является результатом исключительно применения Конституции и закона, оценки обстоятельств дела и внутреннего убеждения судьи, свободного от неправомерного внешнего или внутреннего воздействия.

Именно такое содержание судебской независимости неоднократно раскрывалось органом конституционного контроля.

В Решении Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 27 декабря 2013 года было отмечено, что действенность судебной защиты непосредственно обусловлена независимостью как судебной власти в целом, так и судьи как ее непосредственного носителя. Независимость и неприкосновенность судьи, его подчинение Конституции и законам, а также запрет вмешательства в отправление правосудия рассматривались в качестве основополагающих элементов его конституционно-правового статуса.

Судебная власть как самостоятельная ветвь государственной власти не существует вне деятельности лиц, непосредственно уполномоченных осуществлять правосудие. Поэтому воздействие на конституционные гарантии судебской независимости способно одновременно затрагивать условия функционирования всей судебной власти.

Такое понимание согласуется и с правовыми позициями Конституционной палаты, сформулированными в 2019 году.

В Постановлении от 2 апреля 2019 года Конституционная палата, разрешая вопрос о допустимости обращения Председателя Верховного суда, исходила из того, что назначение конституционного контроля не исчерпывается защитой субъективных прав отдельного лица.

Конституционный контроль распространяется также на вопросы государственного строительства, компетенции государственных органов и обеспечения надлежащего функционирования конституционно установленной системы государственной власти.

Признавая возможность постановки Верховным судом перед органом конституционного контроля вопроса публично-правового характера без необходимости обосновывать нарушение принадлежащего ему субъективного права, Конституционная палата исходила именно из его конституционно-

правового положения как субъекта судебной власти и публичного предназначения осуществляемых им функций.

Между тем, данная правовая позиция не означает тождества статуса Верховного суда как высшего судебного органа и правового положения отдельного судьи.

Однако ее методологическое значение применительно к настоящему делу состоит в том, что процессуальная возможность субъекта судебной власти не во всех случаях может оцениваться исключительно через категорию нарушения субъективного права.

Судья является не только должностным лицом, профессионально осуществляющим судебную деятельность, но и непосредственным носителем государственной судебной власти. Именно посредством деятельности каждого судьи реализуется сама функция правосудия.

Вместе с тем признание указанного обстоятельства не означает наделения судьи универсальным правом инициировать абстрактный конституционный нормоконтроль.

Поэтому возможность судьи ставить перед Конституционным судом вопрос о конституционности нормативного правового акта вне механизма статьи 102 Конституции имеет предметно обусловленный характер.

Она может быть реализована лишь в том случае, когда оспариваемое регулирование непосредственно затрагивает конституционные основы осуществления судебной власти. К указанной сфере относятся независимость и неприкосновенность судьи, недопустимость вмешательства в отправление правосудия, запрет требования от судьи отчета по конкретному делу, гарантии свободного формирования его внутреннего убеждения и правовой позиции, конституционно допустимые пределы воздействия на судью в связи с осуществлением им правосудия, а также иные нормативные условия институционального характера, непосредственно влияющие на самостоятельность судебной власти и независимость каждого судьи как ее носителя.

Следует особо отметить, что закрепленные Конституцией гарантии независимости судебной власти не могут рассматриваться как эффективные, если возможность постановки вопроса об их нормативном умалении всецело зависит от усмотрения иных субъектов, тогда как только судья, как непосредственный носитель судебной власти, объективно включен в сферу действия этих гарантий.

Именно такое понимание статьи 21 конституционного Закона во взаимосвязи с конституционными принципами судебной независимости позволяет, с одной стороны, сохранить реальность конституционных гарантий судебной власти, а с другой — установить четкие пределы процессуальных возможностей отдельного судьи.

В рассматриваемом случае поставленный Досмамбетовым А.А. вопрос находится именно в обозначенной конституционно значимой сфере.

То есть предмет обращения затрагивает не только положение конкретного заявителя, но и общий вопрос о пределах допустимого воздействия внутри самой судебной системы на деятельность судьи как непосредственного носителя судебной власти.

Именно сочетание индивидуального и институционального аспектов придает поставленному вопросу конституционное значение. Он касается нормативной конструкции, позволяющей посредством отдельного акта судебного реагирования констатировать нарушение закона непосредственно в действиях судьи, совершенных им при осуществлении правосудия.

В этой связи возникает конституционно значимый вопрос о наличии правовых критериев, позволяющих разграничить, с одной стороны, судебную ошибку, допустимое судейское усмотрение, различие в толковании и применении права либо иную правовую позицию, подлежащие оценке и исправлению в порядке инстанционного контроля, и, с другой стороны, такое нарушение закона со стороны судьи, которое по своему характеру способно служить основанием для специального реагирования непосредственно в отношении его деятельности.

Таким образом, оспариваемое регулирование непосредственно затрагивает конституционные гарантии независимости судьи и допустимые пределы воздействия на него в связи с осуществлением правосудия.

Исходя из изложенного и принимая во внимание правовые позиции Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики, сформулированные в Решении от 27 декабря 2013 года, Постановлении от 2 апреля 2019 года и Решении от 24 апреля 2019 года, Конституционный суд приходит к выводу, что отсутствие предусмотренных статьей 102 Конституции оснований для направления запроса не исключает возможности постановки судьей перед Конституционным судом вопроса о конституционности нормативного правового акта в иной процессуальной форме, если предмет обращения непосредственно связан с конституционными гарантиями независимости судьи либо институциональной самостоятельности судебной власти.

Поскольку оспариваемое Досмамбетовым А.А. нормативное положение было непосредственно применено при официальной оценке действий, совершенных им в процессе отправления правосудия, а сформулированный им вопрос касается конституционно допустимых пределов специального реагирования на деятельность судьи и тем самым непосредственно соотносится с гарантиями независимости как конкретного носителя судебной власти, так и судебной власти в ее институциональном измерении, Конституционный суд приходит к выводу о наличии оснований для принятия обращения Досмамбетова А.А. к производству.

Конституционный суд Кыргызской Республики, обсудив доводы заявителя и основания отказа коллегии судей в принятии обращения к производству, приходит к выводу о необходимости принятия данного ходатайства к производству. Ходатайство отвечает требованиям конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики» и в поставленном вопросе усматривается неопределенность, что является основанием для рассмотрения дела в рамках

конституционного судопроизводства.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 5 статьи 30, статьями 38, 48, 49, частью 1 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

О П Р Е Д Е Л И Л:

1. Удовлетворить жалобу Досмамбетова А.А. на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 10 июля 2026 года.

2. Принять к производству ходатайство Досмамбетова А.А. о проверке соответствия абзаца второго части 3 статьи 19 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики частям 1, 3 статьи 95, части 1 статьи 96 Конституции Кыргызской Республики.

3. Настоящее Определение является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

№ _____

